

Хоть он и ворчал, Линь Луси всё же по-человечески помог: подхватил Юэ Синхэ под руку и повёл обратно в комнату отдыха. По дороге он быстро понял, что тащить чемпиона на себе — удовольствие сомнительное, и, не слишком стесняясь, предложил вариант «проще и быстрее»: донести Юэ Синхэ на руках, причём не как мешок, а самым что ни на есть классическим «принцесским» способом — одной рукой под спину, другой под колени.

Юэ Синхэ отказал мгновенно, без обсуждений и без шансов на торг.

Сам он не мог бы толком объяснить, почему так резко. Просто внутри возникло странное чувство: если его сейчас действительно понесут «принцессой», то где-то в невидимых счётах судьбы он... как будто окажется в проигрыше. В чём именно будет этот «проигрыш», он и сам пока не понимал, но интуиция орала слишком громко, чтобы её игнорировать.

В комнате отдыха они не успели и толком устроиться, как к двери потянулся людской поток. Мужчины, женщины — шумные, возбуждённые, с глазами, которые горят желанием «поймать» чемпиона хотя бы взглядом. Впереди всех, ожидаемо, оказались Элиза и Гао Кэюнь: обе давно держали Юэ Синхэ в прицеле. И обе — в рамках оригинала — входили в число самых популярных «кандидаток» на роль главной женщины: одна — холодная эльфийка, другая — капризная наследница с гордостью на уровне короны. Набор, прямо скажем, почти канонический, до смешного узнаваемый.

Ах да. В тройке самых «любимых» женских персонажей оставалась ещё одна — русалка.

Линь Луси на секунду прикинул время и махнул рукой: до её сюжетного выхода ещё далеко, можно пока выкинуть из головы.

Всем этим «гостям» вход перекрыли сразу. Они, конечно, пытались протиснуться, давить массой, под шумок просунуться в щель — но стоило им увидеть Цинь Хао, его монументальную фигуру и кулак величиной с песчаную грушу, как энтузиазм стремительно испарялся. Были и такие, кто не боялся Цинь Хао, но даже у них срабатывал другой тормоз: если хочешь понравиться Юэ Синхэ, лучше не устраивать у него под дверью скандал.

Охрана подтянулась с опозданием и начала оттеснять особенно горячих зрителей обратно — туда, откуда те в порыве восторга чуть ли не прыгнули с трибун. В итоге у дверей остались только Элиза, Гао Кэюнь и ещё несколько человек, которых не выгнали лишь потому, что они сами были участниками турнира.

Но и им не повезло: Юэ Синхэ был внутри и переодевался, а значит — вход всё равно закрыт.

Цинь Хао и Крис встали у двери как два стража. Гао Кэюнь не увидела Линь Луси и, раздражённая ожиданием, спросила, где он.

Ей быстро ответили: внутри, с Юэ Синхэ.

Брови Гао Кэюнь — ровные, аккуратно выщипанные, «идеальные» — чуть свелись. И сама она не поняла, почему это простое уточнение вдруг неприятно царапнуло где-то внутри.

В конце концов она списала ощущение на облегчение: мол, слава богу, этот псих наконец-то перестал за ней таскаться — вот и отпустило.

А всё остальное... да что там может быть? Будь внутри мужчина и женщина — можно было бы накрутить что угодно. Но два парня? Смешно. Какие тут «ситуации»?

В комнате отдыха Юэ Синхэ лежал на диване, а Линь Луси стоял перед ним с чистой одеждой в руках и ощущением лёгкой головной боли: то ли от усталости, то ли от того, что главный герой, кажется, снова ведёт себя «не по канону».

Юэ Синхэ запрокинул голову. После ожесточённой схватки волосы у него растрепались, на лице осталась пыль, на щеке — тёмная, глубокая синюшность. И в этой побитости, в этой явной уязвимости он неожиданно выглядел... послушным. Даже чуть-чуть «мягким», будто домашним.

Он улыбнулся — ровно, тепло:

— Всё нормально. Я просто полежу минутку, и силы вернутся.

Да. Чемпион. Только что поднявший трофей. И при этом — заявляет, что обессилел настолько, что не может сам одеться.

С точки зрения Линь Луси это выглядело почти абсурдно: словно перед ним не страшный будущий «потолок силы», а младенец, которому не досталось молока. Не плачет, не капризничает — просто молча смотрит на взрослого. Снаружи тишина, внутри — чистая просьба: сделай за меня, пожалуйста.

Линь Луси прижал ладонь ко лбу.

Главный герой умеет «просить»? Да скорее свинья на дерево залезет.

И всё же, как бы он ни возмущался мысленно, вслух у него вырвалось короткое, командное:

— Сядь ровно!

Юэ Синхэ моргнул:

— Что?

Но терпение у Линь Луси закончилось ещё до начала. Он схватил Юэ Синхэ за волосы — не больно, но ощутимо, — другой рукой надавил на спину, заставляя его выпрямиться, и дальше действовал быстро, деловито, почти грубо: поднял руки, ловко стянул с него испорченную форму и так же быстро натянул чистую.

Никакие пресловутые кубики пресса, которыми ещё недавно сходила с ума арена, сейчас не могли выбить его из рабочего режима: он просто переодевал человека. Точка.

Под конец Линь Луси, уже разогнавшись, словно вошёл в роль заботливого помощника, достал влажные салфетки, стёр с лица Юэ Синхэ грязь, пригладил волосы, поправил пряди.

Впереди интервью. Как-никак главный герой книги — нельзя позволить ему выглядеть слишком жалко.

Юэ Синхэ всё это время улыбался и не сопротивлялся — будто его волосы вовсе не дёргали, и будто ему не должно быть неприятно. Удивительное терпение.

Мягкость, от которой иногда становится не по себе.

— Шшш... трр... шшш...

За несколькими коридорами отсюда Чжоу Цзыхэн стоял, прижав наушник, и ловил сигнал среди помех. В ухе хрипело электричеством, связь «плавала». Он шагал туда-сюда, подбирая точку, пока шум не стал ровнее и в обрывках звука наконец не прорезался голос Линь Луси — достаточно ясно, чтобы Чжоу Цзыхэн понял: цель на месте.

Он остановился, дрожащими пальцами вынул из кармана квадратное устройство, похожее на пульт. Ничего лишнего — одна единственная красная кнопка по центру.

Пот лился по нему ручьями. На лбу выступили крупные капли, слились, покатались вниз. Чжоу Цзыхэн уставился на кнопку так, будто это была не пластмасса, а чья-то жизнь.

Он стоял неподвижно, пока пот не затёк в глаза. Резь стала такой сильной, что он невольно моргнул — и капля сорвалась с ресницы.

Губы у него дрожали.

— У меня нет выбора... — прошептал он, едва слышно. — Я тоже вынужден.

Он крепко зажмурился и большим пальцем со всей силы вдавил красную кнопку — так, словно хотел продавить её насквозь.

И мир вокруг взорвался.

Земля дёрнулась, стены дрогнули, и следом — одна за другой — ударили оглушающие волны: взрыв, второй, третий... Комната отдыха и пространство вокруг неё, метров десять в радиусе, рухнули, будто их подрубили снизу. Над ареной завывла сирена — пронзительная, рвущая небо, и весь комплекс мгновенно наполнился тревогой.

Примечание автора:

=3=

Если хочешь, я продолжу тем же стилем с начала 20-й главы (паника на трибунах, звонок Чжоу Цзыхэна, «нужен результат», и дальше — возвращение во время до взрыва и сцена под завалом, где Линь Луси впервые чувствует кровь Юэ Синхэ).

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17160/1605970>